

ПРОЩЕНИЕ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

© 2017 г. Н.Я. Большунова^{1*}

**ФГБОУ ВО Новосибирский государственный педагогический*

университет, Новосибирск, Россия;

e-mail:nat_bolshunova@mail.ru

Почтовый адрес: г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28, 630 126, Россия

Аннотация. В статье дан анализ исследований феномена прощения в зарубежной и отечественной психологии, показано значение прощения как духовно-нравственного явления в современной социокультурной ситуации, представлены эмпирические исследования представлений о прощении и готовности к нему у молодежи в связи уровнем развития социального интеллекта, эмоциональной сферы и системы ценностей, сформулированы условия развития прощения и предложена программа развития прощения у дошкольников в парадигме отечественной психологии.

Ключевые слова: прощение, доминанта на другом, диалог, ценности, социальные угрозы, аксиологический конфликт, нравственность

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире, перенасыщенном агрессией, озабоченном успехом, конкурентоспособностью, необходимостью соответствовать «трендам», особенно значимыми и востребованными становятся такие явления, как прощение, сочувствие, сострадание, эмпатичность, отзывчивость, благодарность, раскаяние и пр. Социологи, психологи, культурологи с тревогой говорят о нарастании ряда социальных угроз: аномии (состояние общества, при котором значительная его часть сознательно нарушает известные нормы этики и права, вследствие разрушения солидарности, дезинтеграции общества), ресентимента (синдром ущербной агрессивности, сопровождающийся враждебностью к тому, что субъект считает причиной своих неудач, озлобление и злопамятность,

¹Доктор психологических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Новосибирский государственный педагогический университет.

бессильная зависть, неудовлетворенное чувство справедливости, переросшее в озлобленность и зависть), лукавства в отношениях с другими людьми (манипулятивности) и других форм девиантного поведения.

В качестве источников этих явлений называется комплекс причин: культурная травма и разрушение национальной идентичности, утрата ценностных ориентиров, аксиологическая неопределенность, дезинтеграция общества и утрата солидарности, духовная мимикрия, обусловленная оскорблением памяти и символов как носителей ценностей и пр. (Карамурза, 2013).

Так, Ф. Ницше, введший в научный обиход понятие «ресентимент», пишет, что человеку, охваченному этим состоянием, не свойственны субъектность, способность к поступку, подлинные добродетели, в том числе прощение, «любовь к врагам своим», правда, трактуя это в духе критики христианства и выделяя два типа морали: аристократическую, «веселую», спонтанную, жизнеутверждающую мораль господ (сильных) и мораль рабов – отверженных, бедных, бессильных, лицемерных, мстительных, виноватых, имеющих «нечистую совесть» и потому благочестивых) (Ницше, 2012).

Макиавеллизм понимается как такая стратегия социального поведения, которая включает манипуляцию в личных целях другими людьми, противоречащую их собственным интересам. Исследования макиавеллизма, как отечественными, так и зарубежными психологами, свидетельствуют о том, что лицам со склонностью к манипулятивности свойственна такая совокупность личностных черт, как эмоциональная холодность, подозрительность, враждебность, конкурентность, амбициозность, критичность и реалистичность, способность скрывать свои недостатки в процессе общения и пр.; при низком уровне макиавеллизма более выражены альтруистичность, sentimentalность, честность, надежность и, в то же время, нерешительность, трусливость, податливость влиянию (Знаков, 2000). Иначе говоря, явление макиавеллизма на обоих его полюсах можно

трактовать как неразвитые, формальные, отчужденные отношения с миром и с собой.

Наши исследования, проводимые на протяжении нескольких лет со студентами-психологами различных вузов Новосибирска, свидетельствуют о выраженности у молодежи внутреннего аксиологического конфликта, который могут инициировать описанные явления. Респондентам задавался ряд вопросов: «Какие качества характера были востребованы обществом в 1970–1980 гг.?», «Какие черты характера востребованы в настоящее время?», «Какие качества необходимы современному человеку для достижения успеха в жизни?» и «Какие черты характера Вы хотели бы иметь у себя?»².

Описывая прошлое, студенты называли в основном нравственные (терминальные) качества – порядочность, искренность, патриотизм, отзывчивость и пр. Что касается качеств, востребованных от современного человека, то более половины респондентов указывают только инструментальные (прагматические) черты – амбициозность, активность, целеустремленность, хитрость, а также наглость и «способность идти по головам». Эта тенденция еще более выражена в ответах на третий вопрос, причем, здесь называются качества, противоречащие друг другу («Для успеха в жизни необходимы порядочность и манипулятивность»). Особенно явно аксиологический конфликт выражен в ответах на последний вопрос («У себя хотел бы иметь отзывчивость, честность, амбициозность и наглость»). Показательно, что, анализируя свои данные, респонденты часто оценивают их как позитивные, как умение чувствовать дух времени (Большунова, 2012).

В то же время в дипломных работах, посвященных исследованию представлений старших подростков о прощении, выполненных под нашим руководством (В.А. Попова, Н.В. Зайцева), старшеклассники, отвечая на вопросы анкеты о прощении (серия вопросов для выявления представлений о прощении, отношения к прощению и готовности к нему), пишут, что желали

²В исследовании использовалась методика «Гармония характера» (см. Большунова, 2013).

бы прощения от других и сами готовы при некоторых условиях прощать, отмечают важность способности к прощению в отношениях между людьми.

Аксиологический конфликт, таким образом, разворачивается между ценностью успешности, требующей прагматических, конкурентных отношений с другими, и жадой теплоты, близости, интимности.

Необходимо отметить, что современная школа зачастую ориентирована на развитие конкурентоспособности, на акцентуацию успешности ребенка, следуя устоявшейся точке зрения о том, что мотивация достижения успеха предпочтительнее мотивации избегания неудач. Однако нашей дипломницей Е.А. Стрюковой выявлено, что для старших школьников, мотивированных на избегание неудач, сравнительно более значимы такие ценности, как добро, взаимопонимание, поддержка, здоровье близких и окружающих людей и т.д., тогда как у подростков, ориентированных на достижение успеха, в большей мере представлены эгоцентрические установки; они чаще, чем респонденты предыдущей группы, выбирают материальное благополучие, успех в собственной деятельности, карьерный рост и не склонны делиться своими достижениями с другими (Стрюкова, 2016).

Возможно, что этот аксиологический конфликт и актуализирует описанные выше негативные явления: с одной стороны, у подростков и юношей выражена потребность в таких естественных человеческих отношениях, как доверительность, взаимопонимание, прощение, с другой, они не верят, что в современном мире эти качества востребованы и могут выступать как преимущества в борьбе за успех.

Губительность этих явлений, как для общества, так и психики человека, подчеркивается многими современными социологами, культурологами, философами. Ф. Фукуяма, например, считает, что именно доверие – ключевая характеристика развитого человеческого общества, проявляющаяся, как на индивидуальном, так и на социальном уровне (доверие к другому человеку, к государству, к общественным институтам) (Фукуяма, 2004). Причем, именно в семье человек обретает культуру и

навыки, позволяющие ему разумно существовать в обществе, и через которые ценности и опыт этого общества передаются от поколения к поколению.

В России близкой точки зрения придерживался в свое время П.А. Кропоткин – теоретик анархизма (идеолог анархо-коммунизма), литератор, философ, географ, считавший, что не закон «взаимной борьбы» (как в социал-дарвинизме), а «закон взаимопомощи» является главным двигателем прогресса. Этическое учение Кропоткина исходило из идеи естественного происхождения нравственности из природы. Основы нравственности, по Кропоткину, включают три элемента: инстинкт общительности, или солидарности, понятие справедливости и нравственное чувство, подобное альтруизму (Кропоткин, 1991).

Выдающийся русско-американский социолог П. Сорокин отмечал, что при тех кризисах, в которых находится общество (имея в виду середину XX столетия), его может спасти от самоуничтожения только «благодать любви», которая «является одной из трех высочайших энергий, известных человеку (наряду с истиной и красотой)» (Сорокин, 1991а, с. 123). Альтруистическая любовь проявляет себя в таких оттенках, как сочувствие, симпатия, доброта, дружба, преданность, благоговение, доброжелательность, восхищение, уважение. Им противостоят ненависть, враждебность, неприязнь, антипатия, зависть и пр.

Проблема интимности (теплоты, близости, причастности, смысла) в отношениях между людьми, между человеком и миром как основы устройства своего «внутреннего человека», преодоления умертвляющей технологичности и прагматики отношений между людьми рассматривается как центральная в работах П. Слотердайка (Слотердаик, 2005). Человек сам создает микросферы («пузыри») своего бытия, где он включен в систему социобиологических и социокультурных связей и куда он вносит все, что для него значимо и имеет смысл.

Таким образом, многие философы исходят из того, что развитие и существование человека и общества основаны на солидарности, согласии, доверии, любви, причастности. Несомненно, важнейшим переживанием, нравственным чувством, которым обеспечиваются солидарность, доверие, взаимопонимание, является прощение. Обидеть другого легко, и вовсе не всегда это происходит намеренно, особенно у детей: нечаянно толкнул; не поделился игрушкой; не приняли в игру; не досталась игрушка, которую хотел. Человек может сделать что-либо непозволительное в состоянии раздражения, по глупости, из непонимания, нечувствительности к состояниям другого, вследствие смыслового барьера и пр.

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМЫ ПРОЩЕНИЯ

Исследования феномена прощения в философском, религиозном, психотерапевтическом и психологическом контекстах в большей мере представлены в зарубежной, прежде всего, в американской психологии (Р.Энрайт, Э. Гассин, Ф. Финчем, Э. Уортингтон, М. МакКаллоу и др.); достаточно полный обзор соответствующих работ проведен Ю.В. Печиным (Печин, 2014). В наиболее глубоких исследованиях Р. Энрайта (Enright, 2011) не только обозначены определения этого феномена, но также разрабатываются и внедряются программы развития умения прощать и терапия прощения. В феномене прощения Энрайтом выделяются три стороны: дарование прощения, получение прощения и самопрощение. Акт прощения включает три составляющих: аффективный, когнитивный и поведенческий, а также шесть стадий его развития: от прощения, возможного только после отмщения обиды, к прощению на основе возмещения утраченного как ответу на побуждения других или на религиозные требования, наконец, прощению ради гармонии социальных отношений и безусловному прощению, основанному на любви и понимании другого (см. Гассин, 2003). Р. Энрайтом с сотрудниками созданы модели дарования и принятия прощения (Печин, 2014) (логика и последовательность шагов), которые лежат в основе терапии прощения и обучения ему.

В этих исследованиях, также как в бихевиорально (М. МакКаллоу) и религиозно (Э. Уортингтон) ориентированных трудах психологов, настораживает чрезмерная технологичность работы с прощением.

В современной отечественной психологии имеется лишь несколько серьезных исследований (Родионова, 2007; Чукова, 2011), посвященных проблеме прощения, где оно рассматривается как нравственное явление, связанное с личностным ростом и межличностным общением. А.Д. Томильцевой (Томильцева, 2010) в контексте философского подхода прощение понимается как опыт восстановления межличностных отношений. Проблема прощения рассматривается также в православии как необходимая сторона духовной жизни человека, а также в психологии семьи в контексте установления позитивных супружеских отношений.

Между тем именно в русской традиционной и религиозной культуре прощение имеет не только житейский (налаживание межличностных отношений, получение некоторых жизненных предпочтений), но и сакральный смысл. Согласно святоотеческой традиции, прощением, особенно безусловным, можно изменить не только земную, но и посмертную судьбу человека («вытащить» его из ада») (Брилева, 2015). Сам тяжело согрешивший человек может изменить свою судьбу, искренно раскаявшись в своих грехах, в том числе, свидетельствуя об этом своими поступками и поведением, преодолевая испытания и получив при этом духовное прощение. «Прощение осмысливается не как восстановление житейского благополучия, отмена наказания, а как оставление грехов, освобождение от греховного бремени, которое прощенный грешник может ощущать даже физически», как сердечное облегчение (там же, с. 42).

В отечественной психологии, культурологии, философии сформулированы концептуальные положения, которые могут стать источником оригинальных исследований феномена прощения и разработки психолого-педагогических программ развития способности к прощению на разных этапах онтогенеза: идеи А.А. Ухтомского о доминанте на другом как

основе нравственного поведения (Ухтомский, 2002); С.Л. Рубинштейна о человеке как «части бытия», «преобразователе жизни», выходящем за ее пределы (Рубинштейн, 1973, с.381), своими деяниями утверждающим другого человека и воплощенных в нем истину, добро, красоту; М.М. Бахтина о «диалогическом согласии неслиянных двоих или нескольких» (Бахтин, 1997, с. 346) при котором «высший третий», «наадресат» (в том числе, культурный контекст, система ценностей, совесть, Бог) опосредствует согласие и определяет его направленность и содержание; Т.А. Флоренской (Флоренская, 2001) о духовном диалоге как особой психологической «технике» консультирования, в основе которого лежит доминанта на другом, и позиции венаходимости, позволяющей обращаться к голосу совести; Г.С. Батищева о глубинном общении и новом типе педагогического мышления, основой которого выступает «логика полифонирования, или междусубъектности», «способность слышать друг друга» (Батищев, 1997, с. 45). Дополняя друг друга, они образуют единство понимания духовно-нравственного развития человека.

А.А. Ухтомский писал: «Настоящее счастье человечества...будет возможно в самом деле только после того, как будущий человек сможет воспитать в себе эту способность переключения в жизнь другого человека, способность понимания ближайшего встречного человека как конкретного, ничем не заменимого в природе самобытного существа, одним словом, когда воспитается в каждом из нас доминанта на лицо другого. Только там, где ставится доминанта на лицо другого как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки. И с этого момента, как открывается лицо другого, человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице» (Ухтомский, 2002, с. 150).

Прощение мы понимаем, как духовно-нравственное явление, переживание, действие (поступок) и особую нравственную способность

человека. В основе ее лежит способность к признанию другого Другим и права Другого на собственную самобытность («другость»).

Обнаружение Другого, доминанта на Другом открывает возможность понимания, актуализирует ситуацию внутреннего вопрошания о причинах и мотивах его действий, их преднамеренности или случайности, обусловленности обстоятельствами, состояниями, мировоззрением и пр.

В исследовании³ связи прощения у младших школьников (40 чел.) и подростков (40 чел.) с уровнем социального интеллекта (по Дж. Гилфорду) обнаружены значимые положительные корреляции, свидетельствующие о том, что более высокий уровень готовности к прощению соотносится с более высоким уровнем социального интеллекта.

Важно отметить, что признание другого Другим не равнозначно толерантности, которая основана не столько на интересе, уважении, внимании, вглядываемости в Другого, сколько на снисходительности к нему⁴.

Обнаружение Другого во всей полноте его уникальности открывает также возможность не только понять обидчика, но и проявить к нему сочувствие, ибо он, возможно, или «не ведает, что творит», или совершил что-либо под давлением, или глубоко переживает содеянное и пр. Сочувствие востребует от прощающего достаточно развитой эмоциональной сферы. В исследовании нашей дипломницы В.А. Поповой (2016) на основе использования совокупности методик («Анкета о прощении» Н.Я. Большуновой, В.А. Поповой; «Определение эмоциональности» В.В. Суворовой; «Диагностика эмоционального интеллекта» Н. Холла) на выборке из 41 испытуемого обнаружено, что старшие подростки с низким уровнем эмоциональности показывают менее выраженную готовность к

³ в выполненной под нашим руководством дипломной работе Н.В. Зайцевой (2016).

⁴ Термин «толерантность» широко используется в экологии, медицине и означает снижение чувствительности к лекарственным воздействиям, ослабление реагирования на какие-либо неблагоприятные факторы и пр.

безусловному прощению по сравнению с юношами и девушками с высоким уровнем эмоциональности.

Признание другого Другим открывает возможность диалога, в котором прощающий и прощаемый способны слышать друг друга, отзываться на высказывания друг друга, воспринимать и понимать состояния друг друга (переживания обиды, боли, раскаяния и пр.).

Однако и признание другого Другим, и подлинный диалог, и сочувствие, и отзывчивость по отношению друг к другу возможны, если они опосредованы общей аксиологической мерой, «высшим третьим», социокультурными образцами, которые мы понимаем, как композицию ценностей, свойственную определенному типу культуры, с которыми человек (в данной ситуации участники диалога), соизмеряет свои действия, поступки, переживания, выборы и решения (Большунова, 2012; Большунова, Инчина, 2013; Устинова, 2012). Такой диалог, опосредованный «третьим», открывает возможность встать в позицию венаходимости и трансгредиентности самому себе, увидеть себя и Другого «глазами совести», обнаружить общие смыслы. В упоминавшемся исследовании В.А. Поповой выявлено, что у старших подростков с относительно высоким уровнем эгоцентрических ценностей (методика «Четыре вопроса» Н.Я. Большуновой, 2013) и относительно низким нравственным потенциалом (методика «Нравственный потенциал личности» Г. Резапкиной) значительно меньше выражена готовность к безусловному прощению. Эти данные подчеркивают роль мировоззрения и ценностного, социокультурного самоопределения в развитии способности к прощению. Под социокультурным самоопределением мы понимаем особую избирательную позицию в отношении к базовым человеческим ценностям, когда человек становится ответчивым определенным социокультурным образцам, осуществляет лично для него значимый выбор системы ценностей, что обуславливает наполнение его жизни смыслами и организацию ее в соответствии с этими смыслами (Большунова, 2012; Большунова, Инчина, 2013).

Очевидно, что и от того, кто способен просить о прощении, признать свою вину, требуется способность признания другости Другого, готовность к диалогу, к сочувствию, наличие достаточно зрелого социокультурного самоопределения. Возможность прощения в обыденных, житейских ситуациях возникает, прежде всего, в условиях ответственности друг другу и ответственности (отклика на интенции в отношении друг друга), а также при включенности прощающего и прощаемого в сферу общих смыслов, ценностей, социокультурных образцов.

МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СПОСОБНОСТИ К ПРОЩЕНИЮ

На основе описанных положений в контексте реализуемой в МКДОУ № 362 г. Новосибирска «Программы социокультурного развития дошкольников», содержательно включенной в концепцию организации образования дошкольников в формах игры средствами сказки (Большунова, Инчина, 2013), осуществлена апробация методики развития способности к прощению у старших дошкольников.

Работа с детьми старшего дошкольного возраста (методика апробировалась в шести группах, включая логопедические) начиналась с чтения, обыгрывания и обсуждения сказки М.А.Андрианова «Болезнь непощения» (Андрианов, 2016). Здесь очерчивается территория, сфера общих смыслов и ценностей, социокультурных образцов (роль и значение сказки для дошкольников как средства детского мышления, инициации детских видов деятельности, социокультурного самоопределения и актуализации диалога описана в ряде публикаций)(Большунова, Инчина, 2013; Устинова, 2012).

Далее дошкольники вовлекались в рисование героев и событий сказки. Обсуждение сказки и рисование сказочных героев и событий актуализировало рефлексию ситуации непощения, позволило эмоционально пережить ее, что особенно значимо для этого возраста (Развитие социальных

эмоций..., 1986), инициировало желание помочь героям сказки и найти способы и средства прощения и примирения.

На следующем этапе дошкольники вместе с родителями и воспитателями подбирали фольклорные «Прощалки – Мирилки», придумывали и делали символические кинестетические «Мирилки» (мягкие рукавички, муфточки в виде теплого солнышка и пр.), которые дают возможность посредством прикосновения друг к другу пережить теплоту единения, взаимного принятия. Значение этого этапа состоит в том, что здесь посредством вовлеченности в совместную деятельность создается в различных вариантах атмосфера взаимной ответственности и прощения, происходит актуализация общих смыслов: делаем вместе с родителями, воспитателями, другими детьми, делимся своими находками.

Важность этого этапа состоит также в том, что у детей появляются соответствующие по содержанию и форме психологическим особенностям этого возраста средства, при помощи которых можно осуществлять действие прощения и последующего примирения.

Ребенок становится участником (субъектом) построения сферы («пузыря» в терминологии П. Слотердайка) своей интимной жизни, обогащенной смыслами и общими для всех, вовлеченных в эту сферу, ценностями, где общение насыщено доверием, принятием, заботой, ответственностью. Становясь субъектом «построения» своей интимности и мира вокруг себя, ребенок превращается в «эпицентр бытия», преобразователя своего бытия в Мир (Абульханова, 2005).

Дальнейшая работа связана с актуализацией переноса ценности прощения из области сказочных, игровых действий, предметной деятельности в ситуации реальных взаимоотношений между детьми, детьми и взрослыми. Безусловно, в полной мере это возможно лишь в условиях сохранения и поддержания этой атмосферы в семье, поэтому программа предполагает постоянную работу с родителями (разъяснение, вовлечение в

общие дела, доброжелательное обсуждение проблем ребенка, если они имеются, способов его помощи и поддержки и т.д.).

Последующие беседы с детьми о содержании сказки и о смысле прощения выявили у большинства дошкольников достаточно высокий для этого возраста уровень понимания его смысла: «Непрощение – это такая заразная болезнь»; «Это, когда все начинают драться»; «Нужно прощать, тогда все будут дружить»; «Нужно прощать, ведь он может нечаянно толкнуть»; «Если плохо сделал, нужно попросить прощения» и т.д.

Анализируя результаты этого исследования, необходимо отметить, что оно включено в общую программу социокультурного развития детей, предполагающую формирование сотрудничества (взаимопомощи), сочувствия, признания достоинства каждого, социокультурного самоопределения и пр. (Большунова, Инчина, 2013). Дошкольники были готовы к этой форме работы и открыты для усвоения ее содержания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разрабатывая психолого-педагогические программы развития способности к прощению важно понимать, что их содержание, формы и средства реализации должны учитывать лежащие в основе определенного общества ценности и традиции (тип культуры), характер отношений между людьми, особенности возраста, состояние макросоциума и конкретной группы, нравственный потенциал каждого участника программы (Большунова, 2015).

В истории социокультурного развития общества в разные эпохи, в разнообразных типах культур господствовали различные нравственные требования: принцип талиона («Око за око, зуб за зуб»), золотое правило этики («Не поступай с другим так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой»), и императив христианства («Поступай с другим так, как хочешь, чтобы поступали с тобой»). В разных культурах люди по-разному понимали прощение и условия его допустимости. Большинство философских и

религиозных систем рассматривают прощение как нравственный закон. Однако смыслы прощения в разных культурах достаточно различны.

В даосизме прощение понимается как освобождение от негативных переживаний, которое позволяет расширить пространство внутреннего мира, достичь «бесстрастия», целостности, обрести смирение, покой. Непрощение, обиды негативно сказываются на духовном состоянии человека, отражаются на здоровье тела и препятствуют достижению мудрости. Специальные практики прощения, направленные на освобождение от условностей общества, негативных переживаний (гнева, зависти, несправедливости и пр.) и обретение смирения, покоя, естественности, любви, мудрости, наполняют жизнь человека гармонией (срединный путь, равновесие между инь и ян), что проявляется и в физическом здоровье, и в успешности жизни. Таким образом, прощение здесь осуществляется, прежде всего, для себя, для собственного благополучия и покоя (Лао-Цзы, 2001).

В конфуцианстве, где одной из базовых категорий является человеколюбие, прощение, в конечном счете, также реализуется для саморазвития: «Если к самому себе будешь более требовательным, чем к другим, то избежишь обид». «“Правильно ли отвечать добром на зло?”, – спросил Конфуция ученик. Учитель ответил: “Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью. На добро отвечают добром”»(Конфуцианское «Четверокнижие»..., 2004).

В исламе также возможно справедливое действие в отношении обидчика, однако возмездие должно быть соизмеримо с нанесенным человеку вредом. «Воздаянием за зло является равноценное зло. Но если кто простит и установит мир, то его награда будет за Аллахом. Воистину, Он не любит беззаконников» (Сура 42, Аш-Шура (Совет). Однако более ценным является прощение и милость, поскольку тот заслуживает милости и прощения, кто ради Аллаха сам способен к ним.

В христианстве подлинное прощение выступает как безусловная ценность, высший нравственный императив: «Вы слышали, что сказано: око

за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5:38–41). Христианское прощение основано на любви, которая «долготерпит и милосердствует», актуализирует рефлексию своей греховности: «...кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин.8:7). Прощение должно быть в сердце и идти от сердца; оно мотивировано любовью и состраданием: «Прощайте друг другу, как и Бог во Христе простил вас» (Еф. 4:32). В основе прощения в христианстве лежит признание Другого как ближнего, т.е. им устанавливаются отношения интимности, близости с Другим. В то же время в прощении человек сам становится смиренномудрым: прощая, он открывает свою греховность, становится ближе к Богу и тем самым обретает надежду на спасение. Акт прощения не равнозначен принятию зла, согласия с ним, но предполагает сочувствие к мукам совести или мукам грешника в загробной жизни, доброжелательное наставление грешащему.

Таким образом, различные культуры демонстрируют различные смыслы и традиции прощения. Поэтому категория прощения может иметь разные трактовки, а содержание программ развития способности к прощению должно учитывать эти культуральные особенности. В предлагаемой нами программе представлена попытка реализовать смыслы и традиции отечественной ментальности в контексте социокультурного развития детей и особенностей детской субкультуры (Большунова, Инчина, 2013; Большунова, 2015; Устинова, 2012).

Литература

Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. 2005. №4.

Андреанов М.А. Философия для детей в сказках и рассказах. Пособие по воспитанию детей в семье и школе. Минск: Литера Гранд; Книжный Дом, 2016.

Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997.

Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Изд-во «Русские словари», 1997.

Брилева И.С. О категории прощения в системе традиционного мировоззрения (на материале русской народной сказочной прозы) //Мир русского слова. 2015. Вып. № 1.

Большунова Н.Я. Характер и его развитие в современных социокультурных условиях. Учебное пособие: В 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: НГПУ, 2012.

Большунова Н.Я. Характер и его развитие в современных социокультурных условиях. Учебное пособие: В 2 ч. Ч. 2. Новосибирск: НГПУ, 2013.

Большунова Н.Я. Прощение как социокультурное явление // Развитие человека в современном мире: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 14–15 апреля 2015 г.: В 2 ч. Ч. I. / Под ред. Н.Я. Большуновой, О.А Шамшиковой. Новосибирск: НГПУ, 2015. С. 160–168.

Большунова Н.Я., Инчина М.В. Развитие индивидуальности и субъектности в формах детской субкультуры: учебное пособие. Новосибирск: НГПУ, 2013.

Гассин Э. Православие и проблема прощения // Московский психотерапевтический журнал. 2003. №3.

Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21. №5. С.16–22.

Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»)/ Пер.с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; Вступит. ст. Л.С. Переломова. М.: Восточная литература, 2004.

Кропоткин П.А. Этика. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

Лао-Цзы. М.: Издат. дом Шалвы Амонашвили, 2001.

Ницше Ф. К генеалогии морали. (Полемическое сочинение) // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5 «По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай “Вагнер”». М.: Культурная революция, 2012.

Печин Ю.В. Становление и развитие психологии прощения в США: краткий обзор // Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu.ru» 2014. Т. 6. № 4.

Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Ред. А.В. Запорожец, Я.З. Неверович. М.: Педагогика, 1986.

Родионова А.А. Удовлетворение нравственной потребности в прощении как условие личностного роста (на примере семейных отношений): Дисс. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2007.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

Слотердайт П. Сферы. Микросферология. Т.1 «Пузыри» /Пер. К.В. Лощевского. СПб.: Наука, 2005.

Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8.

Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 9.

Стрюкова Е.А. Особенности системы ценностей у лиц с разным типом мотивации успеха (на материале старшего подросткового возраста) //Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2016.

Томильцева Д.А. Опыт прощения: социально-философский анализ: Дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2010.

Устинова О.А. «Образ Я» и его развитие средствами диалога: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.

Чукова А.С. Социально-психологические характеристики прощения как феномена межличностного общения: Автореф. дисс...канд. психол. наук. Саратов, 2011.

Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: Наука о душе. М.: ВЛАДОС, 2001.

Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ОООИзд-во«АСТ», ЗАОНПП «Ермак», 2004.

Enright R.D. Psychological Science of Forgiveness: Implications for Psychotherapy and Education / Presented at the Conference, Neuroscience and Moral Action: Neurological Conditions of Affectivity, Decisions, and Virtue. Pontificia Universita della Santa Croce. Rome, Italy. February 28, 2011. URL: [www.couragerc.net/Courage_Home_Page/Santa%20Croce%20paper%20\(PDF\)%20February%2028,%202011.pdf](http://www.couragerc.net/Courage_Home_Page/Santa%20Croce%20paper%20(PDF)%20February%2028,%202011.pdf) (датаобращения: 15.07.2016).

FORGIVENESS AS A SPIRITUALLY-MORAL AND PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

N.Y. Bolshunova*

**Doctor of psychological sciences, provessor of the Novosibirsk St. pedagogic university*

Summary.In article the analysis research of the phenomenon of forgiveness in a foreign and national psychology, shows the value of forgiveness as a spiritually-moral phenomena in contemporary socio-cultural situation, presented empirical research ideas about forgiveness and commitment to the youth in the context of the level of development of social intelligence, emotional sphere and value systems, formulated the conditions for development of forgiveness and development programme is offered forgiveness of preschoolers in the paradigm of domestic psychology.

Keywords: forgiveness, dominant on the other, dialogue, values, social threats, axiological moral conflict